

МАРК ШТУНОВСКИЙ

СВЕРХМОТИВАЦИЯ

Марк Алексеевич Шатуновский

Сверхмотивация

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27050573

Сверхмотивация Книга стихотворений:

ISBN 978-5-91627-012-9

Аннотация

Марк Алексеевич Шатуновский.

Учился в МГУ, где получил первое признание как поэт в студенческой поэтической студии. Участвовал в знаменитом поэтическом семинаре К. Ковальджи, разделяя позиции и творческие установки метареализма. На протяжении многих лет выступает вместе с метареалистами в общих поэтических акциях. Один из организаторов известного московского клуба «Поэзия», объединившего большинство молодых писателей 1970–1980-х гг.

Первый сборник стихотворений «Ощущение жизни» вышел в Париже в 1990 г. В 1992 г. принят в члены Союза писателей. Автор книг «Мысли травы» (1992), «Из жизни растений» (2000), «Дискретная непрерывность любви» (1995, роман). В 1991–1992 гг. его пьеса «Траектория улитки» шла на сцене театра Московского университета. Публиковался в журналах «Знамя», «НЛО», «Постскриптум», «Glas» и др.; стихи, проза и статьи переводились на иностранные языки и выходили в Бельгии, Франции, США.

По приглашению USIA (Министерства культуры, образования и информации США) выступал с лекциями и чтением стихов в Нью-Йорке, Вашингтоне, Сан-Франциско, Санта-Фе и на филолого-философском факультете Айовского университета, где вместе с английским писателем Рольфом Хьюзом создал журнал «100 words», издающийся вплоть до настоящего времени. Участник и один из основателей клуба поэзии Stella Art Foundation.

Содержание

Листок на стене	8
В винительном падеже	17
Ребенок в комнате	19
(Портрет в среде обитания)	21
(Взгляд)	22
Сентябрь-81	24
(По москва-реке)	25
(Снегопад)	26
(Портрет автора)	27
(Портрет героини)	29
(Воспоминание о герое)	31
(Самоубийство героя)	33
(Действующие лица)	34
Ночной снегопад	36
Вдохновение	38
«Мы думали еще до своего рожденья...»	39
Два отражения	40
Проекция	43
(У радиоприемника)	45
Осень. Ночной пейзаж	46
Анатомический пейзаж	48
Припоминание	50
Учебный натюрморт	52

Плачущее изваяние	54
Поезд	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Марк Шатуновский

Сверхмотивация

Книга стихотворений

Марк Алексеевич Шатуновский.

Учился в МГУ, где получил первое признание как поэт в студенческой поэтической студии. Участвовал в знаменитом поэтическом семинаре К. Ковальджи, разделяя позиции и творческие установки метареализма. На протяжении многих лет выступает вместе с метареалистами в общих поэтических акциях. Один из организаторов известного московского клуба «Поэзия», объединившего большинство молодых писателей 1970–1980-х гг.

Первый сборник стихотворений «Ощущение жизни» вышел в Париже в 1990 г. В 1992 г. принят в члены Союза писателей. Автор книг «Мысли травы» (1992), «Из жизни растений» (2000), «Дискретная непрерывность любви» (1995, роман). В 1991–1992 гг. его пьеса «Траектория улитки» шла на сцене театра Московского университета. Публиковался в журналах «Знамя», «НЛО», «Постскриптум», «Glas» и др.; стихи, проза и статьи переводились на иностранные языки и выходили в Бельгии, Франции, США.

По приглашению USIA (Министерства культуры, образования и информации США) выступал с лекциями и чтени-

ем стихов в Нью-Йорке, Вашингтоне, Сан-Франциско, Санта-Фе и на филолого-философском факультете Айовского университета, где вместе с английским писателем Рольфом Хьюзом создал журнал «100 words», издающийся вплоть до настоящего времени. Участник и один из основателей клуба поэзии Stella Art Foundation.

Листок на стене

Когда-то мне довелось познакомиться в Нью-Йорке с легендарным в артистической среде персонажем, художником, надломленным в советских исправительных учреждениях за, в общем-то, понятную страсть к самоутверждению. Он мог придти в Третьяковку, снять картину Шишкина, повесить свою и охранять ее вплоть до прихода милиции. Выставки получались недолгими, отсидки продолжительными. Жизнь художника превратилась в борьбу, общение с алкашами и ворами сломало психику, от реальности в своем сознании он отделился.

Шатуновский начинал с того, что развешивал на стенах университета свои стихи – по тогдашним меркам серьезная идеологическая диверсия. Когда начинание (к счастью, без особых последствий) провалилось, вышел на сцену вместе Иваном Ждановым, Александром Еременко, Алексеем Парциковым, Ниной Искренко, Юрием Арабовым, Евгением Бунимовичем... Помните эти звонкие имена? Такое не забывается. Времена изменились безвозвратно, менты могли лишь лязгать зубами – судьбы моего американского знакомого Марк избежал.

О 90-х сейчас принято говорить с брезгливостью и сожалением, но романтический дух перемен оказался для отечественной поэзии благодетелем, позволил ей вырваться с ку-

хонь и обратиться к людям, стосковавшимся по живому слову, надеявшихся найти подтверждение своим мыслям и чувствам в стихах нового поколения. Потом эта детская свежесть растворится в рефлексирующем постмодерне, в тревожной неоднозначности нынешнего безвременья, крайне нуждающегося в аналогичном заряде прямоты. Уверен, накопление разности потенциалов подошло к критическому, и пробой в вакууме (в разряженном газе?) неизбежен. Скоро заговорят. Уже заговорили.

Интонации откровения универсальны – и если ненадолго смолкают, стихия речи возвращает все на свои места. Не секрет, что постперестроечная поэзия нуждается в переосмыслении, даже в ревизии, но есть вещи очевидные, вещественные, надежно вколотенные в память нашей новой культуры и эту картину наряд милиции уже не снимет.

*«что забывал язык, то вспоминала речь,
и пустоту сместив, до слуха доносила,
как коротковолновая пульсировала ночь,
и в ней взбухала мышечная сила...*

...

*и не было границ, отодвигавших сон,
на метаязыке калякали светила,
и плыл по гребням волн космический ясон,
руки не отнимая от кормила».*

Какое точное определение места речи в мироздании, одним штрихом отмеченное состояние погоды и человеческой ситуации, равнозначных пульсации космоса. Стройность мысли, которая становится последнее время чем-то сродни мужественности. Для Шатуновского

существует понятие «правды», этого коренного русско-го существительного, замешанного не только на «истине», но и на «справедливости». Он распространяет ее на весь «русский мир», вживляет ее в предметы, и этот правдоискательский анимизм позволяет по-другому взглянуть на вещи отечественного происхождения и производства.

Вы замечали, что автомат Калашникова и на вид, и на ощупь сходен с анатомией советского человека? Сухопарого, прогорклого, непредсказуемого, но в общем-то надежного. На него естественным образом ложится рука с незатейливой татуировкой «цени любовь и береги свободу», он соприроден «семейным» трусам и папиросам «Беломор». И автобусу «ПАЗ» тоже, и орбитальной станции «Салют», и осьмикончному крестику на инурке, и газете «Правда». Только вот правда у Шатуновского не может уместиться в газету, его публицистичность скорее интонационна, чем семантическая. Правда растворена в воздухе, она пропитала собой все наподобие табачного дыма страстных бесед и одиноких размышлений.

«мы думали еще до своего рожденья,
предусмотрительно расфасовали чувства,
но в реку времени вошли, и развалились
египетские пирамиды правды —
нельзя их строить из съестных припасов
и правду выводить из гастронома —
она ведь не наземное строенье,
она ведь изоморфна пустоте.
она есть только в чертежах и схемах,
и если завернуть ее в газеты,
то пятнами на ней проступит совесть
и заведутся в чертежах клопы.

предусмотрительно душа вошла в предметы,
вдохнув в них полноту и невесомость,
изъятую из глаз разрозненной толпы».

Поэт инстинктивно бежит толпы, думаю, в сознании Марка четко очерчивается и категория «черни», это наследие сословного признака отечественной интеллигенции, берущего свое начало из взаимоисключающих «Вихрей враждебных» и «Боже царя храни». Он чутко, порой болезненно реагирует на политические события, яростно их не приемлет, чувствуя в происходящем возврат к прошлому, но это боль и гнев частного человека. Хрусталик его глаза, настроенный еще в эпоху перемен, преломляет нынешнюю жизнь с другого конца ретроспективы, но в этом и кроется главный талант постоянства человека, присягнувшего когда-то гу-

манитарным человеческим ценностям.

«похоже, нас с тобой, как воду, расплескало
в прошедшем времени, в реликтовых лесах,
но память все еще способна вполнакала
поддерживать во мне продолговатый страх».

Или

«дух земноводный обретает слух,
и созревание переходит в зренье,
и стадо половецкое пастух
через шоссе ведет сквозь безвременье».

Именно настойчивой приверженностью идеалам молодости объясняется ровное уверенное движение его творческого пути: собранные в книге стихи написаны в самое разное время, но я не осмелюсь сказать без предварительной справки, когда такое-то и такое было написано. На вкус экспериментаторов стихи Шатуновского традиционны, но опыт искусства (как минимум XX века) убедительно доказал, что мы в своей работе неизменно попадаем в круг вечного возвращения – сейчас, когда порыв бесплодного внешнего и внутреннего поиска иссяк, его стихи звучат удивительно современно. Женщины ликуют: в моду входит удобная одежда, телесные пропорции более не подлежат строгому надзору со стороны законодателей мод. И речь звучит так, как ей

привычней и удобнее.

«и не выходит жизнь из строя,
хотя, казалось бы, заело
ее устройство заводное.
ее устройство заводное
уже морально устарело.
ее железные узлы...»

Алексей Парицков пишет об авторе в письме из Кельна:

«Техника у него покрыта не испариной, а инеем – она классична. Они как-то хором с Ерёмой отстаивали классический стих и по-детски радовались такой плотной однообразной версификации. Он поразительный поэт, классик современного очуждения. Отталкивание? Да, есть, иногда дрожь пробирает от ёрничества, когда он о душе пишет как о системе шлангов из анимации Яна Шванкмайера, а о людях иногда так, что Декарт бы содрогнулся и собака Павлова заговорила бы. Задача Марка – загнать позитивизм и всех атеистов (если есть такие – он в этом сомневается) в нору и учинить там Воландовский праздник. Человеческие куклы, издыхающие на посленей ступеньке логики, в пустоте, в полупараличе – этого у него немало. Он на самом деле художник гротеска. Иногда его литературный голос овладевает им самим, тогда он пишет лирику, продиктованную его героем, отнюдь не ангелом. Марк мне как-то говорил, что его не понимают и говорят о характерном холоде. Возможно, я

сам, на семинаре у Ковальджи так выступал: впечатление механического космоса 18 в., перенесённое в нынешнюю среду бесконечного размена, напрашивается. Тут нет теплоты, к которой ты тянешься последнее время, но искусство, с которым Марк формует свои твёрдые вещи, дается только ему».

Физиологически-механические образы Шатуновского действительно оказывают гипнотическое воздействие на читателя своей зрелищностью. Пока еще не очень понятно, какие формы примет искусство постиндустриального времени, но модерн по-прежнему завораживает хитросплетением узлов и шестеренок, видимо, для того, чтобы показать, что единственное, что за этим остается и есть душа.

«в их гуще пульсирует сердце
с отростками губчатых трубок,
в них мечутся крови мохнатые тельца
и стенокардии обрубков».

Или из «самоубийства героя»:

«квадратная пуля, надламывая висок,
разваливает мир на звенящие глыбы,
они рассыпаются в стеклопесок,
и из глаз уплывают зеркальные медлительные рыбы.

...

«открываешь дверь, а за дверью – открытый космос».

Поймал себя на мысли, что «космоса» в стихах Шатуновского больше, чем любимой им Москвы. Хотя на первый взгляд перед нами именно московская поэзия, территориально обозначенная – с характерными декорациями сдавленного пространства и шумом безара-вокзала.

«нет у москвы ни профиля, ни фаса,
москва – геометрическая вата,
она сгибает волны резонанса
по схеме абажурного каркаса».

Марк не может уйти от обобщений и это на фоне перечней и констатаций популярных нынче манер радует необычайно. Юрий Кублановский предложил в свое время простой рецепт оценки творчества: нужно понять пишет ли поэт о вечном. Достаточно одной строфы Марка Шатуновского, чтобы утвердительно ответить, что его стихи именно об этом. Шатуновский – мощнейший поэт поколения и его практическое неприсутствие в поэтическом эфире, редкие выступления в составе клуба «Поэзия», несмотря на обилие публикаций на основных мировых языках, можно воспринимать лишь как нонсенс, обидное недоразумение, ошибку, которую необходимо исправить. А что если листок, при-

шпиленный на университетской стене, окажется документом, сравнимым по значению с посланием нового бунтовщика Лютера? Стихи Шатуновского необходимо читать и знать.

*«это в общем не сложно прикинуть
Царство Божье берется гурьбой».*

Вадим Месяц

В винительном падеже

когда мои пять чувств баюкает такси
и превращает в чаевые,
мне снится, что они – пять сельдей иваси,
раскисшие и трупно-пищевые.
что у меня душа – беспомощный протез,
устроенный в грудной хромированной клетке,
что в темноте судьба приобретает вес
несущейся под гору вагонетки.
что, может быть, талант – всего лишь антрекот,
который можно съесть под сенью цэдээла¹,

что я могу лицом уткнуться в твой живот —
в архитектурный свод, вмонтированный в тело.
ты станешь целовать свиную замшу губ,
к тому же крашенных линючим анилином,
и прижимать к себе пустого тела куб,
под мышками пропахший нафталином.
склонив лицо к зрачкам и глядя в их круги,
выискивать во мне геометризм порока
и медленно вздывать две фирменных ноги,
сработанных под стиль барокко.

но косвенной стране дан герметичный стиль:

---

¹ ЦДЛ – Центральный дом литераторов.

ландшафты в колбах окомов,
стоячая вода, текущая в бутылъ
среди доходчивых объемов.
преподает пейзаж наглядность языка,
завернута в простор подробнейшая совесть,
ладонью отклонив поверхность сквозняка,
читаю между строк неписаную повесть.
прижав к стеклу висок, стараюсь совместить
тебя, трехмерную, с общегражданским фоном.

а небо разучилось говорить,
немея перед микрофоном.

Ребенок в комнате

ребенок в комнате,
то мальчик он, то занавеска,
сандалики его вбирает топкий пол,
овеществленный взгляд – пытливая стамеска,
заерзав в ящике, пошевелила стол.

из почек у него растет настырный ясень,
но в правом легком расцветает соль,
он весь отрывочен, он видим, но не ясен,
в нем прорастает слух, закованный в фасоль.

он больше не разъят в двоих на хромосомы,
прозрачнее малька, он проще, чем малек,
и все пять чувств его на ощупь мне знакомы,
и вся его душа завернута в кулек.

(я знаю, что душа – гофрированный шланг,
в нем совершает кровь смертельную работу,
что наша внутренность – несложный

акваланг,

но в мальчике душа растет, дыша азотом.)

в нем вырастет трава, в нее уронит он
упавшие из рук случайные предметы,

чтоб я в ней находил то звезды, то кометы
и собирал в пустой продавленный бидон.

(Портрет в среде обитания)

нет у москвы ни профиля, ни фаса,
москва – геометрическая вата,
она сгибает волны резонанса
по схеме абажурного каркаса.

больничный снег застиранной халата
с прожженной сигаретами дырой,
в которую с прыщавой добротой
заглядывает дом, который тоже вата.

в нем женщина без головы и рук,
питаюсь баклажанною икрой,
крошит себя и пол не замечает,
и, полая внутри, заставлена вокруг,
но головы и рук ей не хватает.

(Взгляд)

я жду троллейбус, прислонившись к взгляду.

взгляд заштрихован, вырван из тетради,
заучен на морозе наизусть,
к нему подколоты: бульвар в витой ограде,
квитанция на разовую грусть,
и биография, и справка об окладе...

в три четверти я виден в этом взгляде,
который следует хранить в аптечной вате,
иначе в темноте способен он
вскрыть вены остывающей кровати
или швырнуть подушку за балкон
за то, что вся она в губной помаде.

взорвется взгляд – и станет колоннадой,
но если перед сном ты выпьешь «седуксен»,
то за ночь выйдешь за пределы взгляда
в свой дом, болеющий склерозом стен.
здесь, в этом доме, жизнь уходит в никуда,
ее сосет ноздря пустого крана,
а там, где из него сквозь воздух шла вода —
зияет штыковая рана.

ТЫ СНОВА ГЛАДИШЬ ВРЕМЯ УТЮГОМ...

Сентябрь-81

за раму сыплется с деревьев позолота,
обои шелушатся на стене,
застыл сквозняк в сквозных листах блокнота
и тянет сыростью сквозь форточку в окне.

я между двух тире живу в своей квартире,
я прописался сам не знаю в чьей вине.
деревья дешевеют. в целом мире
идут дожди, стабильные в цене.

(По москва-реке)

потухшая листва, тяжелая как скатерть,
на старческих ветвях под небом проливным
у каменной реки, в которой мокнет катер,
развешена кругом по берегам литым.

и вот течет река в разломленном
пространстве,

цепляя за края, дающие искру.
на крытой палубе сидим в воскресном трансе
и держим на весу хлеб, а на нем – икру.

но все равно сойти придется снова в город,
ненастный словно звон порвавшейся струны,
ты отойдешь на шаг и приподымешь ворот,
и будешь за собой следить со стороны.

(Снегопад)

в два приема москву зачехлила зима,
охватила москву кабинетная скука;
слышно как тишина не проронит ни звука —
это длится времен круговая порука,
засыпается снег по стране в закрома.

(Портрет автора)

весна находится в стадии прачечной —
грязные груды зимнего белья
подтаивают, подмачивают в упаковке пачечной
нераспечатанные кварталы жилья.
это эстамп на глухой стене,
обрамленный в облупленную кривую форточку,
это мой глаз, поблескивающий внутри, во мне —
на сферической поверхности отражаешься ты,
задрапированная в прозрачную
кофточку,
я располагаю жилплощадью от темени до кадыка,
остальным я сыт по горло, изоморфное строению
канализационного люка.
гигантским тоннелем прорыта моя рука
в толще кавказских хребтов, указательным
пальцем
нажимающая на кнопку юга.
в моем автопортрете вы подниметесь на нужный
вам этаж
в лифте, подключенном к гидравлическому
сердцу.
в полушарии снов, где все время идет демонтаж,
незаметно откройте дерматином обитую дверцу.
по гостиничным коридорам уходя, завернитесь

В тишину,

здесь нет указателей, и вы не вернетесь обратно.

вы увидите меня, подходя к окну,

на улице уменьшенным тысячекратно.

(Портрет героини)

к пальцам привязаны ниточки ваших податливых снов,
приводящие в движение пружиночки и шестеренки,
молоточки, отодвигающие запирающий память засов
и изнутри колотящие в барабанные перепонки.
вы все когда-нибудь жили в болеющем старостью доме,
боясь заразиться склерозом по ночам опухающих стен —
генетической памятью вкомпонованы в тусклом объеме
и, в нем проживая, противопоставлены

в нем проживающим всем.

каждый из вас жил в этом доме

учительницей двадцати семи лет по имени «нина»,
вечерами демонстрируя зеркалу разветвленное тело свое

—
анатомически родственное пианино,

облегаемому тем, что называют «белье».

тайны нашего тела! за ними мы полезем на антресоли
и, извалявшись в пыли, достанем заброшенный образ
себя

восемнадцати лет —

развернем, расправим понесший потери от моли
в наслоениях времени отложившийся след.

попробуем в него улечься – жмет в бедрах, линия живота
необратимо провисла,

грудь проваливается, недостаточен ляжкам раструб,

по европе лица протекают одер и висла
в двух морщинах: одна – у глаз, другая – у губ.
замажем географию «пондсом» (*cream cocoa butter*),
а за спиною грохочет постели пустой океан,
над подушкой ночник развернул перевернутый кратер,
перегорожена комната раскрытым романом саган.

(Воспоминание о герое)

шум воды спускаемого бачка,
вырезанный ножницами по пунктирной линии
отреза,

подвешен при помощи рыболовного крючка
к поскрипыванию, отодранному от инвалидного
протеза —

и вместе парят благодаря тому,
что воздух приводится в движение плавное:
это выходит в подвижную тьму,
в туалет направляясь, елена николаевна.
с кряхтением в землю садится дом,
сквозняк по форточкам бьет, не целясь...

роется в слухе бестелым кротом
тихий голос, замкнутый в эллипс,
в раковине ушной за витком виток
восходит к сознанию по спирали
и, вступая в его поток,
в глаза заглядывает: вы меня не потеряли?

прикидывается ребенком и свечкой, просит
не прогонять —

материнство по вашему телу растекается
воском —

он тянется, тянется вас обнять

и вырастает в мальчика в костюмчике матросском.
теперь он перевернут, а вы для него водоем,
в котором он пускает игрушечную лодку.
лодка отплывает – это фотоальбом, а не лодка —
на каждой фотографии мы его узнаем
по тщательно прожеванному подбородку.
перед ним пласты многоэтажных озер,
в них он видит себя нашим внутренним зрением:
в фас – гимназист, в профиль – на стрельбах
призер,
в три четверти – в штатском, здесь засвечено
и падает дыра в темноту с ускорением.

(Самоубийство героя)

квадратная пуля, надламывая висок,
разваливает мир на звенящие глыбы,
они рассыпаются в стеклопесок,
и из глаз уплывают зеркальные медлительные рыбы.
на пламя свечи из отверстия рта выползает белая мышь

—

в теле отключается внутреннее освещение,
тишина проникает откуда-то с крыш —
откинувшись, слушаешь земное вращение.
встаешь и уходишь, оставляя тело в убитом пальто,
покидаешь свой необитаемый раздавленный корпус.
бежать скорее, чтоб тебя здесь не встретил никто.
распахиваешь дверь – за дверью открытый космос.

(Действующие лица)

наконец эти организмы улеглись в свои постели,
в них теперь затухает пищеварительный процесс,
и в каждом отдельно взятом теле
начинается действие потовыделительных желез.

пока они спят, проведем инвентаризацию:

номер первый – елена николаевна семидесяти
трех лет,
ей снится бомбежка в эвакуацию,
станция, затянутая дымом пожаренных ею сегодня
котлет.

номер второй – василий алексеевич отсутствует
в кровати,
он попал в притяжение трех трельяжных зеркал
и ныряет в них перед сном в сатиновых трусах
и халате,
оставляя на тумбочке со вставными челюстями
и кипяченой водою бокал.

номер третий – александра ивановна кусаема
клопами,
номер четвертый – иван алексеевич видит незрячие
сны,

номер пятый – гена, алкоголь в нем блуждает
кругами
и мутные страсти его никому не ясны.

номер шестой – нина включает телевизор тем
же жестом,

каким расстегивает молнию на юбке,
артист калягин, пробегая по слизистой оболочке
ее глаза,

скатывается слезой по щеке,
она сидит на диване в позе человека в
прохудившейся шляпке,
в кофточке поверх комбинации, со спущенной
петлей на чулке.

ее лицо – любительская перерисовка по клеточкам
с неизвестного оригинала,
полустершиеся линии обведены химическим
карандашом,

и мое воображение замирает, когда после передач
общесоюзного канала
она посреди комнаты раздевается и ложится
в постель нагишом...

Ночной снегопад

в замерзшем воздухе твердеют облака
и невесомость, избегая веса,
срывается с высот в летейские луга —
смотри: вверху болтается оборванная леса.

тогда земля притягивает свет
и намагничивает этим светом окна,
встает моя жена, включает в спальне свет.
не топят. холодно. который час? четыре ровно.

ложится. гасит свет. во тьме под утро жидкой
фоточувствительное плавает пятно
и проявляет свет, влетающий в окно,
на негативе сна семейные пожитки.

как сквозь систему линз, пройдя сквозь толщу снов,
они сливаются в обуглившемся свете
в пейзаж взорвавшихся деревьев и кустов
под солнцем в полиэтиленовом пакете.

и в раскаленный свет запархивает моль,
и выпадает снег в закрытом помещении,
и, крик нагнав, крупницей станет боль,
и легкость возвратит при совмещении.

Вдохновение

Он подает в тебе свой струнный голос,
на языке сыпучих миражей
тебе твою Он выдувает память,
в ушко игольное Он продевает космос,
всю эволюцию из клеточки дрожжей
Он повторит быстрее, чем бомба будет

падать.

уходит Он и остается пепел,
из пепельниц напололам с бычками
закручиваться начинают вихри,
их в купол сердца ввинчивает ветер,
размешивая в темноте смычками,
и видимость распарывает выкрик.

а манит Он покоем или светом,
судьбу изображает снегопадом,
мытарства заменяет осязаньем
и, делая прозрачными предметы,
затепливает в них свои лампы,
и наделяет чувством и сознанием.

«Мы думали еще до своего рожденья...»

мы думали еще до своего рожденья,
предусмотрительно расфасовали чувства,
но в реку времени вошли, и развалились
египетские пирамиды правды —
нельзя их строить из съестных припасов
и правду выводить из гастронома —
она ведь не наземное строенье,
она ведь изоморфна пустоте.
она есть только в чертежах и схемах,
и если завернуть ее в газеты,
то пятнами на ней проступит совесть
и заведутся в чертежах клопы.

предусмотрительно душа вошла в предметы,
вдохнув в них полноту и невесомость,
изъятую из глаз разрозненной толпы.

Два отражения

1

в процессе жизни гасятся детали,
и остаются в комнате потухшей
под койкой две щекастые гантели
и в зеркале мальчишеские уши,
и майка промокашечного цвета,
через которую просвечивают окна,
которые морщит и комкает от ветра,
который вырывается с шипеньем
из четырех конфорок газовой плиты.

2

еще из-под двери, прикрытой плотно,
сквозит полоска света или пенья:
там ангелы поют, вдевая свет в иголку,
и там растут бумажные цветы.
в замочной скважине торчит оттуда ключ,
но видно облака в дверную щелку,

и эту дверь, ведущую на небо,
с той стороны обугливает свет.

3

с той стороны не наступает ночь,
а с этой – пыльный воздух щиплет небо,
когда садишься, кожаное кресло
вдруг издает туберкулезный свист.
и если в комнату опять впадает время,
то кресло опрокинь и сам садись на весла,
и в кресле кожаном ты поплывешь навстречу,
вверх по теченью, рассекая пламя
настойной лампы в рое мошкары,
поставленной в неосвещенный вечер...

4

сон расположен вдоль метрической шкалы,
он снится женщине, уснувшей за столом,
подставившей настольной лампе щеку,
над нею плавится стеклянный абажур,
сон каплет закипающим стеклом,
она во сне сбивается со счета

и просыпается. ей снится коридор,
ей снится офицер морского флота:
высокий лоб напоминает глобус
с ранением на тихом океане.
ей снится крепдешиновое платье
и столик в прибалтийском ресторане.

5

потом ей снится собственное тело
в проекции, как корабельный корпус,
со схемой органов устроенных в примате,
опутанных системой капилляров
с расчетной мощностью в каких-то там ноль целых...
весь этот механизм, изъятый из футляров,
разложенный в гостиничной кровати,
сперва пульсирует, как водяная помпа,
а после курит в ситцевом халате,
испытывая чувство в форме ромба...

Проекция

фрагмент души, разобранной на части,
среди болтов развинченной судьбы
валяется в траве, растущей у санчасти,
пригретый солнцем, сорванным с резьбы.

еще хранит футболка форму тела,
продавленного кедою корейской:
прошел футбол, оставив лужи мела,
и задышал озон кирзой армейской.

здесь чьи-то голоса еще звучат отдельно,
на тонких проводах прикручены к забору,
и каждая деталь отчетлива предельно,
попав в наклонный взгляд, утративший опору.

но весь пейзаж сложив в брезентовый мешок,
ты смотришь со спины на собственные уши:
на нежные хрящи, на вздыбленный пушок,
а на просвет они – рельеф девонской суши.

ты узнаешь себя при взгляде со спины,
ты узнаешь в своем лице чужие лица,
несешь из булочной батон чужой вины
и прежде, чем забыть, ты должен отразиться

в разбитом зеркале, в заплаканных глазах,
в какой-то детской заводной модели,
на разный лад в бесполом голосе,
запутаться пушинкой в волосах
и все глядеть в себя, и целить мимо цели.

и открывать себя, как перочинный нож,
жизнь складывать, как веер или ширму,
и зажигать свечу, входя в погасший дождь —
перегорели пробки, валяется крепеж
и ночь всосалась в спущенную шину.

(У радиоприемника)

что забывал язык, то вспоминала речь,
и пустоту сместив, до слуха доносила,
как коротковолновая пульсировала ночь,
и в ней взбухала мышечная сила.

и мышцу темноты с пунктирами огней,
которую к земле пришили электрички,
слух вдруг нащупывал и зависал над ней,
качаясь на волне эфирной переклички.

и не было границ, отодвигавших сон,
на метаязыке калякали светила,
и плыл по гребням волн космический ясон,
руки не отнимая от кормила.

Осень. Ночной пейзаж

в спинном мозгу засушенной травы
рефлексы замерли, как кадры киноленты,
и в каждой клетке скошенной травы
погасли фотоэлементы.

и не шумит трава машинным языком,
переходя с фортрана на алгол —
он так стелился здесь над озерцом,
что слышался один сплошной глагол.

потрескивало небо, как экран дисплея,
помехи рвали звезды с телестрок,
латинской буковкой зажглась кассиопея —
машинной памятью мерцающий мирок.

как датчики, подсвечивались избы,
и моцарт подбирал на ЭВМ²
мелодии, объемные как линзы
для стереоскопических систем.

и вот метемпсихоз заснят на фотопленку,
и моцарт, отраженный в темноте
зрачками деревенского котенка,

---

² ЭВМ – электронно-вычислительная машина.

пучком частиц летит в крошечной пустоте.

Анатомический пейзаж

кусты кровеносных сосудов
роняют последние листья,
в них ветер, влетая, теряет рассудок,
с них птицы, взлетая, вмерзают в созвездья.

в их гуще пульсирует сердце
с отростками губчатых трубок,
в них мечутся крови мохнатые тельца
и стенокардии обрубков.

а корни путей пищевода
уходят в белковую почву,
и звезды читают свободно
клинописную генную почву.

с земли подымается вздохом
сознания мыслящий пух,
и каждый, окликнутый Богом,
растит в одиночестве слух.

его подвигает строенье
того, что всем кажется духом,
на поиски внешнего зренья,
ведомого внутренним слухом.

Припоминание

асфальт испытывает боль,
и выпадает алкоголь
на алкогольные пейзажи,
где выключенный шум шагов
замерз до таянья снегов
и каждый след, как рана, зажил.

но совершенной формы боль
уже не причиняет боль,
а пересаженная боль,
прижившись, причиняет счастье.

летает в доме антресоль,
на ней бездельничает моль,
а мать берет аэрозоль
и душу моли рвет на части.

но вундеркинд – сердитый мальчик
на крашеном велосипеде —
воспитан в собственном соку;
трансляции футбольных матчей
приходит посмотреть к соседям,
болеет за «нефтчи» баку.

он учит «слово о полку...»,
включен настольный вентилятор,
паук бежит по потолку,
и день гудит, как трансформатор...

когда он яблоко догрыз,
ты помнишь, семечко упало?
не из него ли разрослись
антропоморфные начала?

и не выходит жизнь из строя,
хотя, казалось бы, заело
ее устройство заводное.
ее устройство заводное
уже морально устарело.

ее железные узлы...

Учебный натюрморт

вживаясь в равнобедренный кувшин,
я вычитаю из него привычность:
примерив обтекаемость машин,
он сам перед собой разыгрывает личность.

а драпировке, обласкавшей стол,
линялой до расцветок географии,
был свойственен когда-то женский пол
с чертами буржуазной биографии.

во фруктах восковых их образ обнажен
до стереометрической фигуры,
и натюрморт сплошным пространством окружен
в трех измерениях, написанных с натуры.

но я, свой глазомер поставив на штатив,
ищу свободную от измерений точку,
изображаемым предметам возвратив
постигшую их свойства оболочку.

пространство распахнув, как форточку во двор,
перепроверив зрение на верность,
я завожу кувшин, как гоночный мотор,
я отрываю от него поверхность.

я в натюрморт ввожу прохладный куб двора,
где разговор двоих в их схемах – перемычка,
где в толще тишины пропорота дыра
и, чиркнув, вечность освещает спичка.

Плачущее изваяние

зеркальные шары снабженных зрением глаз —
их поворотники вращают на осях,
зрачки их крепятся на лучевидных спицах,
они свободно плавают в глазницах.

от них ведут двух кабелей жгуты,
чьи окончания зажаты в клеммах мозга.
мне объяснить осталось, как же ты
свой зрительный процесс преобразуешь

в слезы.

ты поливаешь два растущих в кадке глаза
горючею водой родных морей и рек,
и от желанья жить в крови вскипает плазма
и зрение дает еще один побег.

на острие его, где набухает в почке
в природе содержащаяся власть,
дрожущая слеза застряла в мертвой точке
и порывается сорваться и упасть.

ты собираешь в сахарницу слезы,
ты накрываешь стол в расчете на двоих,
ты смотришь на часы, век не меняя позы,

и ложечкой помешиваешь их.

и вот идут часы, глаза впадают в реку,
в природе завершив земной круговорот,
смыкаясь, веко прикипает к веку,
и, обезвоживаясь, трескается рот.

в шкафу на вешалках без света вянут платья,
размякли на окне цветочные горшки,
зеркальные глаза в шкафу хранятся в вате,
под ними пролегли отечные мешки.

а у окна сидит разбитая скульптура
с рукой, подвешенной отдельно на шнуре,
торчит из каменных деревьев арматура
и зрение растет на пыльном пустыре.

Поезд

1

растения растут, раскачивая воздух,
и гонят по стволам свой водянистый сок,
синюшные птенцы кричат от скуки в гнездах,
высовывая свой бумажный голосок.

состав, что под откос пустили партизаны,
сорвавшись с полотна и набирая вес,
бессмысленно скрипя и надорвав стоп-краны,
сминая заросли, вонзился в плотный лес.

как занавес за ним задернулись растения,
распространяя сон вдоль насыпи и рва,
и вот состав укрыт тяжеловесной тенью,
и поползла к нему тревожная трава.

в расколотый котел, в утробу паровоза,
где от помятых труб еще струился пар,
вползла трава, подняв со дна анабиоза,
свой водянистый мозг, бесшумный как радар.

и, плесенью скользя, вдоль дымогарных трубок,

проникла в топку – уголь стыл, издавая свист,
и воздух, сжиженный его дыханьем грубым,
из топки подтекал – в нем плавал машинист.

он, падая, сгребал разрозненные части,
но вырос у него в гортани цепкий куст,
как сломанную вещь, он отшвырнул запястье,
и ртутным шариком оттуда выпал пульс.

помощник на спину был выброшен наружу,
и ветер шелестел листвой его бровей,
в низине глаз его зрачки расплылись в лужу,
полз, отражаясь в них, скрипучий муравей.

ну а трава уже бежала вдоль вагонов,
по ней шли волны, как в аэродинамической трубе,
в вагонах дул сквозняк отчаливших перронов
и пробегала рябь по зеркалам купе.

2

в том тамбуре, где мы с тобою зажимались,
запекся в воздухе помадный оттиск губ,
когда-то мы с тобой вступили здесь в катализ,
теперь здесь тишина образовала куб.

мы для того сошлись, чтоб после расставанья
друг в друге не узнать размытые черты,
но где нам было знать, что знаком препинанья
в дальнейшем станут нам две скобки пустоты.

похоже, нас с тобой, как воду, расплескало
в прошедшем времени, в реликтовых лесах,
но память все еще способна вполнакала
поддерживать во мне продолговатый страх.

и я теперь ловлю, как муху, сгусток стона,
прозрачную ладонь толкая, как снаряд,
я больше не хочу, чтоб вдоль окон вагона
скользил твой слепнувший, нас переживший

взгляд.

ведь легче, умерев, бесцельно, но дословно
пересказать себя на языке травы,
и все ее слова бесшумно и объемно
соединятся в речь, затягивая швы.

но стоит отряхнуть остатки осязанья,
как станет эта речь понятной и немой,
доступная всему, ты разожмешь сознание,
оно вспорхнет с руки и полетит домой.

потом, когда трава сюда вползет сквозь щели,
как в вазе, прорастет сквозь битый унитаз,
мне хочется, чтоб мы с тобою подсмотрели,

как все займет трава, но не застанет нас.

и скроются в траве останки эшелона,
и в шелесте травы появится надрыв,
и будет сон травы стелиться повагонно
и дерево расти, красивое как взрыв.

3

так думала трава посредством разрастанья,
и мысль ее была похожа на траву,
влюбленную в предмет и с первого касанья
держашую его в сознании на плаву.

и в глубине души трава была довольна,
что, в сущности, она является травой,
ведь все, что не трава, принадлежит невольно
периферии жизни мировой.

когда-то в глади луж вглядевшись в отраженья,
трава, стремясь понять, что есть она сама,
прошла стихийный путь разумного растенья
от фотосинтеза до глубины ума.

и если б на траве тогда остановиться,
чтоб эволюция закончилась травой,

то шла бы жизнь без риска прекратиться,
себя доверив тяге паровой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.